

**SOCIAL ROLES OF THE JOURNALIST IN COVERING NATIONAL RELATIONS**

Igor N. Blokhin

Sankt-Petersburg State University, Faculty of Journalism.

Sankt-Petersburg, 1 line Vasilevsky Island, 26.

**Abstract**

*The author of the article appeals to multiple-aspect problem. It has got political character, as it directly searches the problem of choice and self-definition in search of the optimal model of national politics. The problem of journalist social roles is analysed in connection with the motivational system of the journalistic professional activity. Use of a social role-playing conception leads to anthropological conclusion about the basics of existence of modern human in the world of intensive communications. Institutional and functional characteristics of journalism depends on and make conditional to human factor. The author offers a new interpretation of the journalist role-playing. He uses sociological understanding of the status and role formed in the frames of functional theoretical conception adding ideological component.*

**Key words:** *national relations, national politics, social status and role, journalist social roles.*

В анализе журналистики как социального института, то есть совокупности ролей и статусов, предназначенной для удовлетворения социальных потребностей и занимающей определенное место в системе общественных отношений, в качестве главного статуса выступает статус журналиста. Его права и обязанности, с одной стороны, обусловлены формально, зафиксированы в различных нормативных документах – в России, например, от Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» до трудовых редакционных договоров. С другой стороны, права и обязанности журналиста, его деятельность и профессиональное поведение обусловлены общественными ожиданиями по отношению к данному статусу, обусловленными неформально, часто стереотипно. Подобные стереотипы отражены в различных представлениях о журналистике, они проявляются в произведениях искусства, героями которых являются журналисты, и закрепляется ежедневной практикой общения аудитории средств массовой информации с журналистскими произведениями. Таким образом происходит наполнение социальным и культурным смыслом роли журналиста.

Социальной ролью называется ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека. Каждый статус обычно включает ряд ролей. Усвоение их – значительная часть процесса социализации, в том числе профессиональной. В научной литературе ролевой анализ журналистики ограничен, по преимуществу, интересом к психологическим проявлениям творчества и проблемам идентичности [Харрис 2002. Дзялошинский 1996. Кузин 2004. Сосновская 2005].

Мы предлагаем рассмотреть новую трактовку социально-политической природы ролевого поведения журналиста. В данном контексте уместно использовать социологическое и политологическое понимание статуса и роли, сложившееся в рамках структурно-функциональной теоретической концепции, но с учетом значения идеологического компонента.

Журналист выбирает установку в отношении своего ролевого поведения уже в процессе планирования сбора информации и подготовки материала. Журналистские роли могут

располагаться в диапазоне от роли «наблюдателя» до роли «участника» и оказываются связанными с выполнением профессиональных функций. Особое значение подобный подход имеет в исследованиях журналистского поведения в условиях межкультурного общения, когда от журналиста требуется не столько отображение происходящих событий, сколько понимание смыслов и ценностей, которыми обусловлены поступки и высказывания участников взаимодействия. Часто полноправным участником подобного взаимодействия становится и сам журналист.

Основная ролевая проблема автора состоит в достижении равновесия с окружающей социальной средой, но без потери собственной ценностной идентичности. Для журналиста описание и интерпретация героя с позиции собственных ценностей – это только лишь первый шаг во взаимодействии с ним. Следующий шаг состоит в фиксации напряжения, вызванного расхождением в картинах мира и системах ценностей героя и автора. Затем следует расшифровка, раскодирование смыслов поведения, что служит достижению понимания мотивов и, в результате, ценностей героя. В теории журналистики это также отражается в типологии интервью на основании фокусирования интереса не на какой-либо проблеме, а на собственно личности, а в социологии и психологии – в развитии биографического метода.

В понимании «другого», расшифровке «чужих» смыслов состоял основной мотив исследователей – этнографов и антропологов. Все путешественники тех времен, когда на Земле еще оставались «белые пятна», лелеяли надежду на встречу с идеальным обществом («Эльдорадо»). Избавление от иллюзий обретения «потерянного рая» привело к укреплению антропологического мотива познания и понимания «другого». В настоящее время именно журналисты играют роль исследователей культур, которую ранее играли путешественники, торговцы, военные, миссионеры, антропологи, а средства массовой информации позволяют журналистам выполнять еще и роль посредника между народами и социальными группами. Однако спектр мотивации журналистской деятельности широк, его особенности состоят в специфике отношения автора к миру людей и степени осознания возможности своего соучастия в событиях, явлениях и даже судьбах этого мира.

Для того чтобы избежать крайностей субъективизма и объективного анализа, в журналистике одним из наиболее приемлемых способов сбора информации является метод включенного наблюдения. Его преимущества связаны с возможностью непосредственного взаимодействия журналиста-исследователя с описываемой им реальностью, что особенно существенно в том случае, когда он не принадлежит к изучаемой культуре или сообществу. В таких случаях журналист получает значительную часть своих представлений в сотрудничестве с хорошо осведомленными информаторами, которые становятся прямым источником информации, впоследствии уточняемой и проверяемой. Для установления устойчивых отношений с информаторами следует по возможности использовать существующие социальные связи – профессиональные, родственные, дружеские и т. п., в том числе связанные с общими социальными статусами.

Особый тип исследовательской установки при использовании включенного наблюдения проявляется в случаях, когда журналист стремится понять и принять точку зрения людей, которых он изучает, реконструировать субъективный смысл их поведения и поступков. В таком случае включенное наблюдение понимается как отношение, которого не может избежать человек, ведущий наблюдение за другими людьми, а именно – необходимость соучаствовать в опыте и поступках тех, кого он наблюдает.

Обращение к методу наблюдения предполагает выбор четкой исследовательской установки в отношении своего ролевого поведения. Исследовательские роли, как уже отмечалось, могут располагаться в диапазоне от роли «участника» до роли «наблюдателя». Подобное

разграничение исследовательских ролей во включенном наблюдении предложил Р. Л. Голд [Gold 1958. 217-223]. Это разграничение основано на степени вовлеченности-отстраненности исследователя в ситуации наблюдения и соответственно на степени закрытости-открытости его журналистской исследовательской деятельности. Степень вовлеченности журналиста в ситуацию взаимодействия тесно связана с противопоставлением: описание с точки зрения наблюдающего «чужака» – описание с точки зрения участвующего в событиях «своего» члена группы. В этом случае выделяются следующие роли.

«Полный наблюдатель». «Роль “полного наблюдателя” подразумевает полное исключение реакций изучаемых людей на исследователя. Последний, как это бывает в некоторых психологических экспериментах, смотрит на обследуемых через одностороннее зеркало, ведет наблюдение скрытой камерой либо использует иные приемы оперативной разведработы» [Девятко 1998. 29-30], – пишет социолог И. Ф. Девятко. В журналистике использование подобной роли встречается часто, ее наиболее успешным классическим примером является работа писателя и публициста Владимира Гиляровского.

«Наблюдатель как участник». В данном случае ролевая вариативность проявляется в отношении к соучастникам событий как к информаторам и в том, насколько они осведомлены о том, что в событиях участвует журналист-исследователь. Подобная осведомленность может позволить журналисту играть роль «новичка» – проявлять невежество, задавать вопросы, обнаруживать некомпетентность в естественных и повседневных для окружающих людей вещах.

«Участник как наблюдатель». Представители изучаемого сообщества в подобных ситуациях могут навязать журналисту роль эксперта, знатока, судьи и т. п.

«Полный участник». В роли «полного участника» цели и статус журналиста-исследователя остаются тайной для окружающих, поэтому подобные ситуации нередко называют скрытым наблюдением. В подобных случаях журналист чаще всего принимает роль, уже существующую в наблюдаемой группе. Данный метод наряду с очевидными достоинствами имеет и существенные недостатки: этические проблемы, невозможность гарантированного контроля над использованием актерских способностей, риск утраты профессиональной идентичности. При этом недостатки в использовании метода включенного наблюдения могут быть вызваны также влиянием установок и ценностей, свойственных культуре, к которой принадлежит журналист-исследователь.

Особое значение во включенном наблюдении имеет тот факт, что журналист сталкивается с чуждой для него «картиной мира». Его задача состоит в демонстрации того, как социальное действие в одной культуре может быть понято и осмыслено с точки зрения другой. В понимании правил картины мира и определяющих их смыслов кроется ответ на одну из основных задач журналиста-исследователя – расшифровать, раскодировать и объяснить то, что представляется странным, опасным или настораживающим в другой культуре. Журналист в подобной ситуации оказывается в одной из главных своих профессиональных ролей – посредника между сообществами и культурами.

Наблюдение можно также рассматривать в качестве одного из вариантов метода монографического анализа случая (case-study). Данный метод представляет собой детальное целостное описание индивидуального случая, включенного в более широкий социальный и культурный контекст. В качестве подобных «случаев» могут рассматриваться отдельные культуры, субкультуры, сообщества, социальные группы, организации, формы взаимодействия, практики и т. д. Следует учитывать, что при анализе случаев не всегда возможно достижение статистической репрезентативности данных, куда большее значение имеет «типичность»

случая, позволяющая встроить выводы исследования в более широкий контекст. Одним из видов такого контекста является контекст осознания. Люди не только пытаются осмыслить и осознать причины или последствия поступков и событий – они взаимодействуют, исходя из тех смыслов, которые они приписывают различным событиям. Определение ситуаций и толкование событий и намерений других людей не всегда может быть верным, но если люди определяют ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям.

Этнолог Жан Сервье указал на склонность журналистов придавать большее значение наблюдаемым ими явлениям, чем те имеют на самом деле. Так, например, он пишет: «Трудно удивляться тому, что до сих пор нередко из-под пера журналиста выходит утверждение, что там или здесь на планете “люди живут еще в каменном веке”. Если этнологические исследования недавнего прошлого не слишком возбуждали интерес публики, то современные средства массовой информации действуют как проводники дезинформации, которыми манипулируют специалисты» [Сервье 2004. 150]. Выводы Сервье, кроме того, что служат предупреждением журналистам относиться к наблюдаемому критически, указывают на опасность попасть под влияние сил – субъектов манипуляции. Нередко радость открытия неизведанного или желание отыскать «рай на Земле» приводят к потере чувства реальности, к зависимости от идеологических установок, к иллюзиям и самообману и, соответственно, введению в заблуждение аудитории.

Применение анализа случая при журналистском наблюдении предполагает предварительную подготовку, во-первых, по отбору типичных случаев для изучаемого сообщества, во-вторых, по отбору внутри случаев – отбору времени, места и людей (интервьюируемых или информаторов), а также контекстов наблюдения. В качестве таких контекстов можно рассматривать, например, «сценические» и «закулисные» области социального взаимодействия, описанные Ирвингом Гофманом [Гофман 2000]. Выявление «сценической» (публичной, на показ) и «закулисной» (скрытой от посторонних) составляющих человеческого взаимодействия является одной из основных задач для журналиста, изучающего другую социальную среду.

Особое внимание в ситуации наблюдения необходимо обращать на символическое взаимодействие между участниками. В качестве набора символов выступает, например, «естественный словарь» общения (ярлыки и классификации). Большое значение для интерпретации и понимания мотивов действий участников общения играет также фиксация невербального поведения. Мимика, позы, жесты часто обнажают коммуникативные намерения участников взаимодействия даже лучше, чем слова. Во многих культурах значимым и подлежащим интерпретации является пространственное расположение участников взаимодействия (во многих традиционных культурах, например, порядок расположения гостей за столом отражает их социальный статус). Применение метода наблюдения, несмотря на все его достоинства, из-за влияния личностных особенностей журналиста не позволяет в полной мере объективно оценить, описать и проанализировать наблюдаемые явления. Преодоление методической «однобокости» состоит в комплексном использовании преимуществ работы с различными источниками информации и прежде всего с людьми – участниками и свидетелями событий, сопровождающих социальное взаимодействие и взаимоотношения культур.

Социальные позиции, социальные установки, сознание и поведение журналистов следует рассматривать в качестве внутренних факторов, формирующих социальное лицо прессы, тогда как внешними факторами являются: политическая конъюнктура, социально-экономические изменения, нормативно-правовое регулирование функционирования СМИ, уровень общественного сознания. И внутренние и внешние факторы не следует выделять как главные детерминанты, которые определяют выбор целевой установки, а, следовательно, и выполнение

журналистом определенной функции. Эти факторы всегда проявляются в совокупности и имеют конкретный характер.

Одним из крайних функциональных значений и содержания журналистских произведений, и журналистской деятельности является отражение политической и социальной практики, фактологическое изложение событий. Таким образом, первая целевая установка журналиста «наблюдение без участия» предполагает выполнение функции беспристрастного отображения (трансляции) существующей действительности. Журналист-транслятор стремится продемонстрировать отсутствие оценки в суждениях, отстраненность от происходящих событий. По результатам журналистской деятельности, по практике деятельности средств массовой информации можно определить, что такой функциональный тип более характерен для западной (точнее, американской) журналистской традиции с ее культом мобильного и беспристрастного репортера.

Уязвимость этой позиции состоит прежде всего в невозможности полноценного отображения социальной реальности, поскольку трансляция предполагает, во-первых, отбор информации (невозможно через средство массовой информации отобразить все богатство, всю насыщенность окружающего мира), во-вторых, перевод отобранной информации в вербальный, образно-символический ряд (в чем, собственно, и заключается основная функция репортера – перевести полученную информацию на понятный аудитории и соответствующий особенностям канала массовой информации язык). И отбор информации, и ее вербально-символическое оформление становятся первыми элементами в механизме манипулирования аудиторией. Задачи журналиста в такой ситуации подобны задачам режиссера, «переводящим» текст пьесы или сценария в образные, символические и характерные конструкции.

Таким образом, несмотря на стремление к объективности, отсутствие комментария и выраженной позиции, подобный подход уже предполагает выполнение функций формирования и управления общественным мнением через отбор фактов, последовательность их изложения и расположения сообщаемой информации в структуре материала. Отражение политических событий нередко сопровождается использованием различных элементов политической и национальной символики, при этом в качестве символов могут выступать политические и общественные деятели прошлого и настоящего, а также политические ценности, например, демократия, государственная целостность или права человека.

Природа воздействия средств массовой информации на аудиторию вызывает еще одну особенность журналистского отражения элементов действительности – массовый характер тиражируемых явлений. Подобная трансляция, даже при отсутствии комментария, приводит к эффекту усиления значения отдельного факта, который не всегда заслуживает к себе пристального внимания. На эту особенность обратил внимание А. А. Юрков: «Произносит генерал А. Макашов антисемитские слова перед 1-2 тысячами присутствующих на митинге, а мастера “экшн” транслируют их, бесконечно повторяя, на миллионы реципиентов и тем самым популяризируют брань генерала, а самого его возводят в ранг выдающегося деятеля» [Юрков 2003. 45].

Отражение журналистами социальной действительности в силу указанных обстоятельств (необходимость отбора элементов действительности и перевода информации, символическое обрамление, массовый характер тиражируемых явлений) приводит, с одной стороны, к фрагментарности представления общественных явлений в СМИ, с другой – к мозаичности их восприятия аудиторией, что приводит к сложности в формировании системных представлений о происходящих событиях и к проблематичности в построении адекватных действительности иерархий в системе представлений о социальных взаимодействиях и изменениях. Таким образом, «познавательный (гносеологический) профиль журналистской деятельности, в

сущности, сводится к формированию особого феномена – специфической картины мира» [Киричек, Потапов 2005. 68]. В этой «картине мире», по мнению В. Д. Мансуровой, наблюдается «соответствие полученного знания уровню эмпирических обобщений или так называемой эмпирической адекватности. Объективность возводится в ранг наивысшего критерия журналистской деятельности. Вместе с тем картина мира, формируемая средствами массовой информации, далеко не адекватна объективной реальности. Она формируется субъектами информационной деятельности. Результатом этой познавательно-отражательной деятельности становится конгломерат сведений, фактических данных, мнений и оценок, выражающих субъектно-объектный образ мира, представленный его создателями. Журналистский подход к познанию и отражению действительности, в отличие от строго научного, всегда базируется на единстве образного и логического начал, фактов “здорового смысла”, интуиции и строгой логики. В силу этого факт, отраженный в журналистском слове, пристрастен, а значит и субъективен» [Мансурова 2002. 87].

Отношение журналиста к своей профессии как деятельности по поиску и сбору информации, ее трансляции через средства массовой информации может привести, во-первых, к отчуждению «транслятора» от сообщения (героев, действующих лиц, обстоятельств событий), во-вторых, к потере связи с аудиторией (или даже ее утрате) в условиях конкуренции между различными типами СМИ и СМИ в границах одного типа за время своих читателей, радиослушателей или телезрителей. К такому журналисту вполне можно отнести высказывание Раймона Арона о том, что «при определенных обстоятельствах или в определенных обществах человек оказывается в условиях, где становится чуждым самому себе в том смысле, что он больше не узнает себя в своей деятельности и своих творениях» [Арон 1992. 181].

Вторая установка предполагает использование обобщений. Наблюдая, выбирая и оценивая происходящие вокруг события, журналист обнаруживает их логику и взаимосвязь. Установление причинно-следственных связей опирается на внутренний жизненный опыт и на знания, полученные в процессе социального взаимодействия, социальной коммуникации, на ценности и ценностные ориентации журналиста. В этом случае каждое конкретное событие встраивается в единую систему, в которой действуют определенные закономерности, осознаваемые и признаваемые журналистом, и формируется целевая установка «наблюдение частного как проявления общего». Опасность, которая подстерегает аудиторию на данной стадии, состоит в навязывании ей системы определенных взглядов, оценок и закономерностей, по сути дела – мировоззрения. Журналист также может попасть в подобную зависимость – либо принять систему, сделав ее «своей», либо превратиться в ее проводника, вступив в состояние перманентного ролевого конфликта, который является постоянным спутником «двойного стандарта» (в данном случае внутренний мир журналиста находится в противоречии с результатами его деятельности). Раймон Арон, анализируя работы Макса Вебера, обратил внимание на то, что «речь идет <...> о совокупности толкований, каждое из которых основывается на отборе фактов и неразрывно связано с системой ценностей. Но если каждое историческое построение произведено на основе отбора и обусловлено системой ценностей, то мы будем иметь столько исторических или социологических (и журналистских – И. Б.) интерпретаций, сколько систем ценностей нами получено при отборе» [Арон 1992. 499].

Описывая и анализируя ситуации межнациональных отношений, авторы неизбежно прибегают к обобщениям, поскольку уже само указание на этнический статус (русский, чеченец, серб, албанец и т. д.) дает, с одной стороны, основание на расширение контекста публикации, с другой – является прямой апелляцией к этническому стереотипу (кстати, упоминание любого социального статуса в журналистских выступлениях имеет подобную природу).

Таким образом, и в направлении к политическому участию журналистики следующим шагом становится обобщение политической информации, которое проявляется в политической аналитике, опирающейся на политическую теорию. В качестве показателей анализа можно рассматривать использование в журналистских произведениях методов экстраполяции, аналогии и прогнозирования.

Отличия между двумя выделенными функциями журналистики – отражением и обобщением – имеют гносеологическую природу. К ее обоснованию вполне можно применить вывод болгарского социолога Стояна Михайлова о двух формах эмпирического познания: «Различие между ними является основанием для разделения эмпирического познания на две главные формы, которые одновременно являются его ступенями. С одной стороны, эмпирическое познание характеризует признаки отдельных объектов, которые являются единицами данной совокупности. С другой стороны, оно отражает сводные свойства группы объектов, объединенных неким признаком в совокупность. Первую форму (ступень) эмпирического познания можно назвать индивидуальной информацией. Она является индивидуальной, поскольку относится к отдельной единице совокупности. Вторая форма (ступень) эмпирического познания может быть названа совокупной информацией. Она является совокупной, потому что отражает сводные свойства, характеризующие совокупность как целое» [Михайлов 1975. 57].

Обобщение, включение наблюдаемых конкретных явлений в широкий социальный, политический или культурный контекст, определение взаимосвязей между отдельными фактами действительности отражается и на ее восприятии самим журналистом, влияет на формирование его мировоззрения и собственно личности. На эту особенность указывает С. М. Виноградова: «Вопрос о целостном мировосприятии для журналиста сегодня важен как никогда прежде. Средства массовой информации создают мозаичную картину действительности. Эта раздробленность не только воспроизводится журналистом, но и влияет на структуру его личности, заменяя собой систему глубоких знаний и ценностей набором подвижных, нередко иллюзорных установок» [Виноградова 2000. 47].

При определении следующей целевой установки «участие как апелляция» журналист предпринимает попытки повлиять на ситуацию. Политическое участие журналистики в управлении начинает проявлять себя, прежде всего, в форме рекомендаций, обращенных к структурам власти на самых различных уровнях принятия решений. При этом рекомендации, выраженные в журналистских произведениях, могут носить как явный, так и латентный характер. В подобных ситуациях журналист становится лицом, инициирующим принятие политического решения, лицом, участвующим в принятии решений.

Властные органы реагируют на журналистские рекомендации избирательно, что дискредитирует возможности «четвертой власти» в глазах аудитории и порождает неверие в собственные силы среди самих журналистов. Те меры, которые предпринимает власть по результатам журналистских материалов, свидетельствуют о том, что они используются либо в качестве компромата в политической игре, либо уже в тех случаях, когда публикации становятся основой для возбуждения уголовных дел. Апелляции журналистов к аудитории, к общественному мнению, в силу разнообразия социальной структуры и, зачастую, противоположных интересов социальных слоев и групп, не могут быть конкретными и сводятся в основном лишь к постановке вопросов, а не к ответам на них. Мнение о том, что власть и подконтрольные ей журналисты – сами по себе, а общество – само по себе, еще больше утверждают сами средства массовой информации, которые, став элементом индустрии развлечений, ареной борьбы политических и экономических группировок, средством рекламы и пропаганды, формирования особой «картины мира», практически не имеющего с реальной

жизнью читателя, радиослушателя, телезрителя ничего общего. Но элементы этого нового мира (его язык, образцы поведения, пропагандируемые символы), тем не менее, проникают в социальную среду, воздействуя в первую очередь на самую внушаемую часть аудитории – детей и подростков. Как следствие, усиливается отчуждение поколений, а поскольку процесс формирования информационной псевдореальности идет постоянно, то объектом отчуждения становятся сами СМИ. Массовая информация в этих условиях становится основой новой социальной мифологии, слухов и домыслов. Межнациональные отношения в данном случае являются лишь фоном информационной войны, основные действующие лица которой не всегда идентифицируются аудиторией и, как правило, выявляются агентами противостоящих СМИ.

«Расшифровывание» или декодирование смыслов, заложенных в текстах журналистских произведений, раскрытие мотивов, которыми руководствуется журналист, высказывая свои рекомендации в СМИ, может быть отнесено и к функциям референтных групп. Критик-референт в таких условиях должен мыслить с учетом того, что пытается сделать журналист, и одновременно выносить суждения об использовании творчества журналиста и высказанных им идей различными аудиториями.

Как писал Е. П. Прохоров, главная «сила журналистики – в мощи сформированного и стоящего за ней общественного мнения» [Прохоров 1995. 12], поэтому реальным субъектом социальных изменений журналистика становится в условиях, когда такие же возможности обретает самоорганизующееся общество. Обращение к историческому методу в исследованиях журналистики вызывает потребность изучения ее роли в формировании гражданского общества. С одной стороны, структурными элементами гражданского общества являются такие атрибуты функционирования журналистики как наличие свободы слова, совести, возможности публично высказывать свое мнение, с другой – сама журналистика является институтом регулирования духовных, экономических, социальных и политических отношений в самоорганизующейся и саморазвивающейся системе гражданского общества.

Таким образом, журналистика приобретает институциональный статус социального субъекта в определенных исторических условиях. При «вертикальной» системе реализации власти, к которой относится определение политики как управленческой директивной деятельности, журналистика выполняет инструментальные функции, она встроена в систему политических отношений, занимая подчиненное положение зависимости от других политических субъектов. В условиях господства тоталитарных и авторитарных политических режимов, в условиях имитационной демократии журналистика приобретает форму инструмента по реализации пропагандистских, агитационных, релаксационных функций. Любые попытки вмешательства журналистов в регулятивные политические отношения пресекаются властью с разной степенью жесткости – от заказных убийств неугодных, до мягких форм экономического давления на редакции СМИ. Поскольку журналисты в подобных условиях вынуждены выполнять инструментальные функции, то в содержание их деятельности начинает доминировать роль «работника СМИ», а определения журналистики и средства массовой информации все более становятся идентичными.

В условиях «горизонтальной» системы реализации власти политика определяется как деятельность по согласованию интересов различных субъектов в сфере регулирования общественных отношений. Демократическое устройство общественно-политической жизни диктует равноправное сотрудничество институтов власти, гражданского общества и журналистики. Демократия ставит перед журналистикой новые задачи установления диалога власти и общества, представления общественных интересов, экспертизы властных управленческих решений. Журналистика в условиях демократии приобретает институциональный статус, а ее основными регулятивными функциями являются самоуправление

и контроль. Понятия журналистики и средства массовой информации теряют свою идентичность, поскольку первая приобретает статус института, а вторые – статус организации.

Политическая действительность последних десятилетий продемонстрировала еще одну форму проявления политического в журналистике. С одной стороны, журналисты выступают в качестве политических деятелей, с другой – действующие политики проявляют себя как журналисты. В подобных случаях журналисты-политики становятся непосредственными участниками политической жизни, а политики-журналисты получают возможность использования поля массовой информации для реализации своей политической деятельности.

При целевой установке «участие» журналист влияет на ситуацию, достигает определенных целей, изменяет и формирует политическую жизнь. Он сам создает ситуации и становится источником информации. Об эффективности такого воздействия можно судить по роли публицистов и СМИ в социальных переменах. Успеха на этой стадии достигают только те журналисты, которые обладают возможностью реального воздействия на аудиторию, то есть те, кто не ограничен в достижении коммуникативного эффекта (тележурналисты, авторы популярных периодических изданий), и те, кому доверяет политически «своя» аудитория (журналисты – «лидеры мнений», референтная группа).

Роль журналиста, влияющего на социальные процессы и воздействующего на социальные изменения, может подвергаться анализу с позиций методологического подхода Action research, который в настоящее время используется в теории и практике социологических исследований. Action research (AR) определяется как семейство научно-практических методологий, которые на равных основаниях используют методы научного познания (опрос, наблюдение, диагностику, экспертизу и др.) и активного вмешательства (изменения, преобразования, улучшения) в объект изучения [Добренков, Кравченко 2004. 607].

Таким образом, AR обозначает особый исследовательский подход, посредством которого не только создается новое знание о социальной системе, но и делается попытка одновременно изменить ее. Основные сферы возможного использования данной методологии – это социальное управление и социальная инженерия, в том числе и с использованием СМИ в качестве инструмента, и с участием журналистов как равноправных субъектов управления, самоуправления и контроля. К. Левин утверждал, что осознание и изменение социальных условий возможно лишь в том случае, если на всех этапах реализации проектов в работе будут участвовать практики, хорошо знающие социальную жизнь. В их числе могут быть и журналисты, тем более что, в силу особенностей своей профессии, они как никто другой включены в социальную жизнь на самых различных уровнях и работают в условиях взаимодействия с различными социальными группами, в том числе этнокультурными. Три основных профиля журналистской деятельности – познавательный, коммуникативный и (что наиболее важно в данном случае) преобразовательный – выделяют в работе «Печать и этнос» П. Н. Киричек и П. Ф. Потапов [Киричек, Потапов 2005. 67].

Осуществление подобной практики вмешательства предполагает постановку социально значимых целей изменения и осознание журналистом ответственности за последствия своей деятельности. Иллюстрацией отсутствия такого понимания является практика, так называемой, гонзо-журналистики (от англ. gonzo – чокнутая, рехнувшаяся). Это направление характеризуется субъективным стилем повествования, ведущегося от первого лица, выступлением журналиста в качестве непосредственного участника описываемых событий, использованием личного опыта и эмоций для того, чтобы подчеркнуть их основной смысл. Термин гонзо-журналистика появился на рубеже 1960-1970 гг. в связи с деятельностью американского журналиста Хантера Томпсона («The Rolling Stone», «Scanlan's Monthly» и др.), ярко демонстрировавшего собственный аморализм и тем самым эпатировавшего публику.

Для эффективной профессиональной деятельности журналиста большое значение имеют особенности сознания, позволяющие оперировать источниками формирования исследовательских гипотез. Наличие и проявление данных особенностей говорит о степени журналистского проникновения в ситуацию взаимодействия. К их числу относятся следующие.

1. Личный жизненный опыт журналиста, его обыденные контакты с социальным окружением, обусловленные его профессиональной ролью зоны социального наблюдения. Журналистская профессия предполагает становление карьеры через прохождение множества зон социального наблюдения и общения. Это и места прохождения профессиональных практик в процессе обучения, и сферы разнообразных редакционных заданий, и области, в которых происходит становление журналистской тематической специализации.

2. Мнения, источниками которых являются средства массовой информации. В журналистике, как ни в какой другой профессии, присутствует медиацизм, который проявляется как реакция и создание устойчивой системы социальных представлений под воздействием средств массовой информации (в том числе представителей профессиональной референтной группы лидеров мнений).

3. Расхожие мнения, источником которой является социальная среда (субкультура), к которой принадлежит журналист.

4. Мировоззренческие философские идеи и установки, усвоенные в процессе образования. Следует отметить, что идеи и установки могут различаться в зависимости от полученного журналистом образования. Далеко не всегда в журналистике работают люди, имеющие профессиональное журналистское образование. Разнообразие научных школ и подходов, существующих в науке о журналистике и науках об обществе, приводит, в том числе, и к дифференциации в мировоззренческих идеях и установках исследователей.

5. «Интуиция» исследователя. Психологические особенности его восприятия наблюдаемых явлений [Белановский 1993. 66-68].

Выделение целевых установок, как можно заметить, ведется и с точки зрения внутренней позиции журналиста (в случае, когда он сознательно стремится к достижению каких-либо целей путем публикации), и по результатам воздействия информации на аудиторию, на интенсивность и логику происходящих социальных и политических процессов, на принятие тех или иных управленческих решений. Следует отметить, что цели, к достижению которых стремится журналист, и результаты воздействия на аудиторию не всегда совпадают. Вероятность такого совпадения уменьшается по мере усиления компоненты «влияние», поскольку изменяется структура требований и ожиданий аудитории, возлагающей на журналистов полномочия своего социального и политического представительства.

## ЛИТЕРАТУРА

Арон, Р. *Этапы развития социологической мысли*: Общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М., 1992.

Белановский, С. Н. *Методика и техника фокусированного интервью*. М., 1993.

Виноградова, С. М. Слагаемые журналистской профессии. В *Основы творческой деятельности журналиста*: Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000.

Гофман, И. *Представление себя другим в повседневной жизни*: Пер. с англ. М., 2000.

Девятко, И. Ф. *Методы социологического исследования*. Екатеринбург, 1998.

Journal of International Scientific Publications:  
Media and Mass Communication, Volume 1

ISSN 1314-8028, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

- Дзялошинский, И. М. *Российский журналист в посттоталитарную эпоху*. М., 1996.
- Добренчиков, В. И., Кравченко, А. И. *Методы социологического исследования*. М., 2004.
- Киричек, П. Н., Потапов, П. Ф. *Печать и этнос*. Саранск, 2005.
- Кузин, В. И. *Психологическая культура журналиста*. СПб., 2004.
- Мансурова, В. Д. *Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации*. Барнаул, 2002.
- Михайлов, С. *Эмпирическое социологическое исследование*: Пер. с болгар. М., 1975.
- Прохоров, Е. П. Журналистика – власть. Но какая? В *Законодательство и практика средств массовой информации*. Ежемесячный бюллетень Центра права и средств массовой информации. 1995. Выпуск 3 (7), март.
- Сервье, Ж. *Этнология*: Пер. с фр. М., 2004.
- Сосновская, А. М. *Журналист: личность и профессионал (психология идентичности)*. СПб., 2005.
- Харрис, А. *Психология массовых коммуникаций*. СПб., 2002.
- Юрков, А. А. *Этика журналистского творчества*. СПб., 2003.
- Gold, R. L. Roles in Sociological Fieldwork. In *Social Forces*. 1958. Vol. 36.